

© 2005 г.

И. Л. Маяк

ТЕОДОР МОММЗЕН КАК ИСТОРИК

Как известно, Т. Моммзен был исключительно одаренным человеком и ярко проявил себя во многих сферах деятельности – в качестве активного политика и талантливого журналиста, школьного учителя и университетского профессора, кабинетного ученого и организатора науки¹. При такой разноплановости Моммзен оказался еще чрезвычайно плодовитым автором. Ему принадлежит более 1500 печатных работ².

Немалую часть своей служебной карьеры он провел на посту профессора римского права. Однако в начале педагогической работы в женской школе г. Альтоны, а также в берлинский период университетской профессуры, начиная с 1856 г., он читал лекции по истории Рима. В зрелые годы Моммзен осознавал себя филологом, понимая историю как часть филологической науки. Это признание, по свидетельству Юлиана Кулаковского, он сделал в 1879 г. на дружеской пирушке со своими учениками³. И все же правомерно говорить о Моммзене именно как об историке, поскольку результаты всех его разнообразных штудий, проходивших параллельно, в конечном счете влились в тома «Римской истории», создавшей ему широчайшую массу читателей и почитателей.

Симптоматично, что уже первые его труды были написаны пером историка. Так, докторская диссертация 1843 г.⁴ была посвящена именно истории римских коллегий и объединений сакрального, ремесленного и судебного характера, их возникновению и функционированию вплоть до императорской эпохи, а не только правовому регулированию их деятельности. Вскоре, в 1844 г., Моммзен издал еще одну историческую работу – исследование римских триб⁵. На нем следует остановиться особо.

Начав с этимологии слова *tribus*, связанного с *distribuere = dispertiri*, и определив его значение как «часть», Моммзен отверг возможность его принадлежности этрусскому языку (как полагали во времена О. Мюллера). На основе сопоставления этого слова с умбским и родственным ему осским *tota*, он показал итальянское происхождение *tribus* со значением «дистрикт, округ». На римской почве – это Сервиевы трибы. Моммзен исследовал их локализацию, число, их социальные и политические функции. Его интересовали изменения в жизни триб в связи с историческим развитием римской конституции – соотношение триб и центурий, установленное демократической реформой III в. до н.э., и изменения в нем в условиях дальнейшей демократизации Рима во II в. до н.э., выразившейся, в частности, в переходе к голосованию с помощью табличек. Эти наблюдения Моммзена заняли прочное место в науке.

¹ См. *Ростовцев М.* Теодор Моммзен (1817–1903) // *Мир Божий*. 1904. № 2. С. 1–12; также: *ВДИ*. 2004. № 1. С. 228–235; *Иванов Вяч.* О Моммзене // *Весы*. 1904. № 11. С. 46–48; также: *ВДИ*. 2004. № 2. С. 202–203; *Wickert L.* Theodor Mommsen. Eine Biographie. 4 Bd. Frankfurt am Main, 1959–1980.

² *Zangemeister K.* Theodor Mommsen als Schriftsteller. В., 1905.

³ *Кулаковский Ю.* Памяти Т. Моммзена // *ЖМНП*. 1904. Январь. С. 39–61, особ. 59; также: *ВДИ*. 2004. № 2. С. 189–202, особ. 201.

⁴ *Mommsen Th.* De collegiis et sodaliciis Romanorum. Kiehl, 1843.

⁵ *Idem.* Die römischen Tribus in administrativer Beziehung. Altona, 1844.

В монографии о трибах разработан также вопрос о центурии как войсковой и политической единице римского гражданства. Попутно автор коснулся проблем *ius suffragii*, *cives sine suffragio* и *hospitium publicum* в эпоху ранней и поздней Республики и констатировал в трибе черты общины, соответствующие сперва условиям республиканской эпохи, а затем – императорской.

В этом раннем исследовании отразились важнейшие принципы, свойственные научному творчеству Моммзена. Это – полное владение античной традицией и использование надписей, в чем он был первопроходцем. Изложение – строго научное, с приведением текста источника и его анализом с учетом научной литературы. Моммзен отдает должное Б.Г. Нибуру, но дискутирует с ним, равно как и с другими авторитетами (Мадвигом, Грауэром, Гушке и др.). Не случайно наблюдения и выводы, сделанные в этой первой компактной и очень насыщенной монографии, были включены впоследствии самим автором в его «Римское государственное право» (особенно в третий том), а также до сих пор служат основой множества исследований и учитываются в самых авторитетных специальных энциклопедиях, в первую очередь, в обновляющихся томах «Реальной энциклопедии классической древности» Паули–Виссова.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть то, в чем с самого начала проявилась творческая манера Моммзена как историка: глубокое знание материала разных ветвей античной традиции и введение в качестве полноценного источника данных эпиграфики.

Одновременно с изданием «Римских триб» вышли в свет «Оскские штудии», а в 1850 г. – «Южноиталийские диалекты»⁶. В настоящее время эти работы в значительной мере по материалу уже устарели, но не во всем. В частности, современные ученые отмечают исключительное знание Моммзеном надписей и языка древней Сардинии. Для Моммзена же эти труды были подготовительным этапом в работе эпиграфиста, поскольку основывались на изучении разнообразных надписей, и показывали вектор его исследований. Нельзя не отметить в этой связи, что эпиграфика именно усилиями Моммзена стала важной частью исторической науки и вспомогательных учебных дисциплин.

Если проследить за тем, как выходили в свет труды Моммзена в дальнейшем, то очевидна *одновременность* создания им статей, книг и прочих публикаций, в которых он выступает то как эпиграфист, то как нумизмат, то как правовед, то как историк. В самых общих чертах это выглядит следующим образом. В 1851 г. он издает работу об упадке монетного дела в эпоху Римской империи⁷, в 1852 г. – латинские надписи из района Неаполя, а в 1854 г. – надписи, найденные в Швейцарии⁸. В том же году появляется первый том его «Римской истории». Продолжая трудиться над ее вторым и третьим томами, вышедшими в 1855–1856 гг., Моммзен готовит специальную работу о римском монетном деле⁹, а также исследует правовые аспекты отношений между Цезарем и Сенатом (1857 г.). В 1858 г. он издает в Берлине «Римскую хронологию вплоть до Цезаря», в 1863 г. – анкирскую версию *Res gestae divi Augusti*¹⁰. Тогда же начинается многолетняя эпопея издания свода латинских надписей (CIL).

В 1868 г. увидело свет подготовленное Моммзеном издание Дигест Юстиниана; в 1870-е годы проходит титаническая работа Моммзена над созданием его великого творения – «Римского государственного права» (работа эта продолжалась и в 1880-е годы)¹¹. Параллельно, с 1872 г. по его инициативе в дополнение к CIL начинают выхо-

⁶ *Idem*, Oskische Studien. B., 1845 (Nachträge, 1846); *idem*, Die unteritalischen Dialekte. Lpz, 1850.

⁷ *Idem*, Über den Verfall des römischen Münzwesens in der Kaiserzeit. Lpz, 1851.

⁸ *Inscriptiones regni Neapolitani Latinae*. Lpz, 1852; *Inscriptiones Confoederationis Helveticae*. Zürich, 1854.

⁹ *Mommsen Th. Geschichte des römischen Münzwesens*. B., 1860.

¹⁰ О жанре и характере этого документа, истории его находки и его изучения не потеряли значения сообщения Н.А. Машкина в его книге: *Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность*. М.–Л., 1949. С. 311–328.

¹¹ *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht*, 3. Aufl., Bd I–III/1. Lpz, 1887; Bd III/2. Lpz, 1888 (первые два тома вышли первым изданием в 1871–1874 гг.).

дить выпуски «Ephemeris epigraphica». В 1884 г. Моммзен осуществляет новую публикацию *Res gestae divi Augusti*, а в 1885 г. появляется пятый том его «Римской истории», выдержавшей при жизни автора в общей сложности девять переизданий, которые подвергались некоторым дополнениям. («Римская история» не раз переводилась на все европейские языки, включая русский.) Наконец, в 1899 г. увидело свет «Римское уголовное право»¹².

Однако этот сухой краткий перечень трудов Моммзена был бы далеко не полным, если не упомянуть еще и о монументальных сборниках его статей. Прежде всего, необходимо задержать внимание на двухтомнике «Римские исследования»¹³. В него вошли статьи Моммзена, публиковавшиеся на протяжении 1859–1861 годов в разных изданиях (лишь одна из работ не была опубликована ранее). Статьи названного сборника очень разнообразны по содержанию. Первый том «Римских исследований» включает в себя рассмотрение проблем истории раннереспубликанского и республиканского Рима, а также эпохи Августа.

В специальной статье Моммзен разработал вопрос о римских собственных именах¹⁴ в сопоставлении с именами других индоевропейских народов, прежде всего с древними греками. Более полно и оригинального освещения вопроса, включая труд В. Шульце¹⁵, до появления книги Э. Перуцци¹⁶ в мировой науке не было. Но и до сих пор выводы Моммзена не потеряли своего значения.

В известной мере продолжением данной темы является следующий этюд Моммзена, посвященный римским патрицианским родам¹⁷. В нем затронуты важнейшие вопросы социальной истории – существование одноименных патрициев и плебеев, пути обретения патрициата; восстановлены имена понтификов, авгуров, принцепсов сената, ординарных и чрезвычайных магистратов с определением их патрицианской или плебейской принадлежности, а также условий *transitio ad plebem*. Названные вопросы увязываются Моммзеном с плебейско-патрицианской борьбой, обусловленной неравноправием плебеев. Этому он уделяет внимание в статье «Правовые особенности патрициев и плебеев в собраниях и советах граждан» (RF. I. S. 129–284). Исследование ведется на уровне республиканских патрицианско-плебейских центуриатных и куриатных собраний и, наконец, трибунных комитий. Рассматриваются и особые плебейские сходки и их постановления¹⁸. Специально останавливается Моммзен на патрицианском сенате республиканского времени, а также патрицианско-плебейском совете. На основе этой исторической данности Моммзен считает возможным судить и о гражданстве и сенате доисторического времени, но лишь в общих чертах. В том же томе «Римских исследований» помещен очерк, посвященный изучению патрицианского рода Клавдиев, политика которых позволяет видеть в ряде их представителей предшественников Гракхов и Цезаря.

Касается Моммзен и таких важных категорий, как гостеприимство и клиентела, рассматривая их как реализацию права индивидов и общин на защиту. Он устанавливает наличие внутри гостеприимцев важного класса, очень близкого по своему положению клиентам. Это латины. Эманципация плебеев, по его мнению, имела двоякую цель: в отношении клиентов – подрыв принуждения со стороны патронов, в отношении пользовавшихся исотелией клиентов (как метэков, не имевших еще прав гражданства) – признание законности браков, равное участие в голосовании и доступ к должностям и почестям. Как видно, тематика первого тома в значительной мере совпала с представленной в ранее появившихся томах «Римской истории», но статьи сборника

¹² *Idem.* Römische Strafrecht. Lpz., 1899.

¹³ *Idem.* Römische Forschungen. Bd I–II. B., 1864, 1879 (далее – RF).

¹⁴ *Idem.* Die römischen Eigennamen // RF. I. S. 1–68.

¹⁵ *Schulze W.* Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. B., 1904.

¹⁶ *Peruzzi E.* Origini di Roma. V. I. La famiglia. Firenze, 1970.

¹⁷ *Mommsen Th.* Die römischen Patriziergeschlechter // RF. I. S. 69–127.

¹⁸ В развитие этой темы см. *Taylor L.R.* The Centuriate Assembly before and after the Reform // *AJPh.* 1957. 78.

значительно отличаются от нее по жанру: они носят характер глубоких исследований материала источников.

Второй том «Римских исследований» вышел в 1879 г. Он представляет собой собрание отдельных этюдов весьма разнообразного содержания. Это небольшие самостоятельные исследования, тематика которых также нашла отражение и в «Римской истории», и в «Римском государственном праве». Эти очерки прежде были напечатаны Моммзеном в качестве статей, преимущественно в основанном им журнале «Hermes».

В очерке о «Настоящей и ложной Акке Ларенции», рассказы о которой ученый называет «сказками», устанавливается тем не менее стремление античных авторов выделить в них рациональные зерна. Конечно, трудно требовать от Моммзена, не имевшего возможности учесть данные археологии и эпиграфики¹⁹, появившиеся почти столет спустя после его смерти, более правильной оценки изучаемых им вариантов традиции. Но его тщательный анализ сообщений античных авторов и их первоисточников представляется до сегодняшнего дня поучительным, даже образцовым, и его целесообразно использовать для сопоставления текстовых и иного вида новых источниковых данных.

Остаются ценными, даже подтверждаются новыми материалами²⁰ выводы, сделанные Моммзеном в статье о Ромуловом померии. То же следует сказать и об очерках, посвященных Великим и Римским играм (RF. II. S. 23–41, 42–57). Для нашей современной науки, небогатой разработками проблем культурной истории древних римлян, они имеют очень большое значение.

Образцовый опыт палеографического исследования представлен в трех статьях Моммзена, касающихся 1) капитолийских таблиц магистратских фаст; 2) рукописи VIII или IX в. из Веронской библиотеки капитуляриев, содержащей консульские фасты с именами пар консулов с 439 по 486 г. (от основания Города) и с одним консульским именем с 487 по 494 г.; 3) новых, найденных в 70-е годы XIX в. на месте храма Юпитера Лацитарского в Монтекаво фрагментов таблиц с календарем Латинских празднеств. Сами фрагменты – императорского времени, но освещают, вероятно, III век до н.э.

В том же втором томе «Римских исследований» помещены работы, посвященные изучению традиции о Кориолане (RF. II. S. 113–152), а также «трем демагогам ранне-республиканского времени» – Сп. Кассию, Марку Манлию и Сп. Мелию (Ibid. S. 153–220). В рассказах о них и их деяниях ученый видит мало достоверного, считая прежде всего Ливия ответственным за следование младшим анналистам. Можно сказать, что исключительный авторитет Моммзена фактически дал толчок развившемуся позже гиперкритицизму. Необходимо вместе с тем отметить, что передовая современная наука, учитывающая новые источниковые данные, во многом отошла от упомянутых моммзеновских характеристик²¹. Поэтому названные выше блестяще написанные этюды Моммзена сохраняют значение в качестве образца внимательного изучения вариантов античной традиции, но не в части сделанных из нее выводов.

Сугубо источниковедческие цели преследует Моммзен в статье «Фабий и Диодор» (RF. II. S. 221–290). В ней утверждается, что греческий автор использовал главным образом самого достоверного из римских анналистов, т.е. Фабия Пиктора, в то время как Ливий довольствовался поздней анналистикой. (Впрочем, в современной науке отношение к младшим анналистам отнюдь не однозначно.) В свете таких представлений о характере анналистической традиции рассматривает Моммзен и «Галльскую катастрофу», особенно хронологию событий (RF. II. S. 279–281).

Очень интересен этюд, в котором определяется соотношение численности военнo-обязанного населения, граждан и италийских союзников, пехотинцев и всадников (RF. II. S. 382–406). Моммзен основывается здесь на данных Полибия, Диодора, Ливия, Ев-

¹⁹ Ср. Peruzzi E. *Civiltà greca nel Lazio preromano*. Firenze, 1998. P. 5–17, 19–22.

²⁰ Carandini A. *La nascita di Roma*. Torino, 1997. Tav. XXV–XXXVII.

²¹ Capanelli D. *Appunti sulla «rogatio agraria» di Spurio Cassio // Legge e società nella repubblica romana*. I. Napoli, 1981. P. 3–50; Serrao F. *Lotte per la terra e per la casa a Roma dal 495 al 441 AC // Ibid.* P. 51–180; De Martino F. *Storia economica di Roma antica*. Firenze, 1980. P. 14–15.

тропия, Орозия и Плиния, использовавших в свою очередь сведения Ливия, восходящие к Фабию и характеризующие состояние римских воинских сил в 225 г. до н.э. Из этого материала Моммзен попутно сделал еще и вывод о преобладании на юге Италии скотоводческих хозяйств, надолго удержавшийся в научной литературе, впрочем, оспоренный в 40-е годы XX в. с помощью данных, полученных благодаря применению аэрофотосъемки²².

Кроме небольшой заметки, касающейся условий передачи *imperium* магистрату в куриатных комициях, что скорее относится к юридической технике, во II том «Римских исследований» включены еще две статьи исторического характера. Одна посвящена процессам против Сципиона Африканского (RF. II. S. 415–510), другая – миру с Антиохом (Ibid. S. 511–545). В первой из них Моммзен выясняет ход судебного процесса против победителя Ганнибала, уточняет технические вопросы и границы власти полководца в распоряжении военной добычей, а также социально-политические условия (в данном случае – наличие партии), при которых проходило дело Сципиона Африканского Старшего. Тут же Моммзен призывает мысль о создании демократической монархии в Риме, у истоков которой стояли Гракхи. Вторая статья носит исключительно источниковедческий характер. Моммзен признает, что мир с Антиохом и походы Гн. Манлия Вульсона известны благодаря наиболее достоверной и «чистой», неискаженной части дошедшей до его времени традиции. Но именно это побуждает ученого показать, как поздняя анналистика оказывала влияние, не обязательно негативное, даже на такую традицию.

Содержание «Римских исследований» ясно показывает, что Моммзен в то время продолжал работу над «Римской историей», три тома которой уже увидели свет, и фактически готовил материалы для планировавшегося четвертого и изданного много позже пятого тома. Но, разумеется, не только собственно исторические штудии выявляли в лице Моммзена великого историка. Достаточно открыть тома «Римского государственного права», чтобы убедиться, какой огромный материал исторических источников, прежде всего античной традиции, был им мобилизован для исследования избранного предмета.

Показательно в этом отношении и фундаментальное «Собрание сочинений», вышедшее в 1907 г., уже после смерти Моммзена. В третий том, «Юридические сочинения», составленный Б. Кюблером из ранее публиковавшихся работ великого мэтра, вошли, с частности, статьи: «Вольноотпущенники на римской государственной службе», преимущественно в императорское время; «*Latium maius*», где трактуется вопрос об условиях перехода члена латинской городской общины в римское гражданство, в том числе занятие высшей магистратуры у себя на родине в республиканскую эпоху, а также о возможных изменениях статуса общин при Антонинах. В статье «Наследственный характер декурионата» на живом и конкретном материале констатируется фактическое наличие сенаторских семей в Риме в правление Августа и Тиберия, и тот же процесс прослеживается на местном уровне в отношении декурионов. Если в республиканское время принятие кооптации в этих органах власти был невозможен, то в период раннего Принципата проявились изменения, причем зачисление в местные советы происходило даже вне круга лиц, занимавших магистратуры. Статья «О правовом положении афинских профессоров в Риме императорской эпохи» представляет собой разбор афинского документа времени правления Адриана – эпитафии философа-эпикурейца, которая дает представление о реальных условиях жизни и деятельности греческого ученого, имевшего педагогическую практику.

В статье «Римские источники» анализируется текст надписи, содержащей эдикт Августа о водопроводе в Венафре. Моммзен говорит в ней о том, что Венафра в это время – не муниципий, а колония из числа тех 28, которые Август учредил в Италии. В тот же том включены статьи о правовых проблемах, связанных с личностью апостола Павла, и работа, озаглавленная «Защита свободы граждан и перетринов в римском государстве». Она построена на анализе трех кратких надписей – из эсквилинского погребения,

²² Bradford J. *Siticolosa Apulia // Antiquity*. 1946; *idem*. *The Apulia expedition // Antiquity*. 1950.

из Южной Италии и, наконец, найденной близ Бовиана в Самнии. Текст надписей сохранился плохо. Попытка восстановления приводит Моммзена к заключению о том, что в них зафиксированы имена вольноотпущенников. Данный материал проливает свет на социальные процессы в древней Италии.

Обзор названных статей показывает Моммзена прежде всего как опытного эпитафиста, как ученого, придающего большое значение в исследованиях разной тематики эпитафическим источникам. Содержание статей убеждает в их полезности для историка, поскольку они касаются не только формально-юридического, но и социального положения итальянских жителей на длительном протяжении существования Рима – и в период Республики, и в период Принципата. В них фигурирует живой конкретно-исторический, фактический материал.

Надо сказать, что своеобразие третьего тома «Собрания сочинений» было замечено учеником Моммзена О. Гиршфельдом, отметившим, что в «Юридических сочинениях» содержатся работы, которые трудно отделить от исторических, филологических или этнографических. Сомнения в их точной принадлежности кончаются только там, где Моммзен сам определил их как юридические, примером чего служит статья, помещенная в III томе, посвященная ростовщичеству М. Брута. Эта оценка Гиршфельда была поддержана сообщившим о ней составителем III тома Б. Кюблером²³.

В одной статье, конечно, невозможно хотя бы кратко разобрать и даже просто назвать все исторические работы Моммзена. Важно еще раз отметить *одновременность* его труда в разных научных направлениях²⁴ и фундаментальную аргументированность его заключений. Вместе с тем, хотелось бы напомнить, что главный исторический труд великого ученого увенчан Нобелевской премией по разделу литературы. Ведь «Римская история» была написана живо, в популярном стиле, без развернутой аргументации, без полных ссылок на источники и научную литературу, поэтому воспринимался как замечательное повествование. Думаю, этот наш краткий и в общем выборочный обзор научного творчества Моммзена показал на отдельных примерах создание той научно-исследовательской базы, на которой покоилась его «Римская история» от первого до последнего тома.

Из рассмотренных здесь штудий ясно видно не только исключительное знание источников, но и мастерское владение Моммзена *источниковедческими приемами*, включая комплексное использование сочинений античных авторов, археологических, нумизматических данных и особенно массы эпитафического материала. На заслуги Моммзена в области собирания, публикации и интерпретации надписей неоднократно обращали специальное внимание²⁵. Из наших отечественных ученых Юлиан Кулаковский особо подчеркнул в этой связи работу Моммзена в «Ephemeris Epigraphica», в том числе публикацию им таких важнейших источников, как *Lex coloniae Iuliae Genetivae, Commentarii ludorum saeculorum quintorum et septimorum* и т.п., а также конкретных исследований, целиком построенных на данных эпитафики, таких, как «*Nomina et gradus centurionum*», «*Militum provincialium patriae*», «*Das römische Militärwesen seit Diocletian*» и т.п.

Недавним откликом на тему эпитафических штудий Моммзена является материал, тщательно подготовленный профессором университета Сассари А. Мастино в сотрудничестве с Р. Мара и Э. Питтау²⁶. Он содержит переписку Моммзена с коллегами из

²³ См. Kübler B. Vorwort // *Mommsen Th. Gesammelte Schriften*. Bd III. Juristische Schriften. В., 1907. S. V.

²⁴ Ростовцев. Ук. соч. С. 4–5; Ковалев С. Теодор Моммзен и его «История Рима» // *Моммзен Т. История Рима*. Т. I. До битвы при Пидне. М., 1936. С. VIII–X.

²⁵ Кулаковский. Ук. соч. С. 5–6; Машкин Н.А. Предисловие // *Моммзен Т. История Рима*. Т. V. М., 1949. С. 11; Wilamowitz-Moellendorff U. von. Ansprache gehalten am 30 November 1917 im Institut für Altertumskunde. В., 1917.

²⁶ Mastino A. (con collaborazione di Rosanna Mara e Elena Pittau). Il viaggio di Theodor Mommsen e dei suoi collaboratori in Sardegna per il *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Выражаю глубокую благодарность автору этого ценного труда, а также профессору университета Сассари Ф. Сини за неоценимую дружескую помощь в ознакомлении с рукописью этой работы, ныне доступной в электронной версии созданного по инициативе проф. Сини журнала «Diritto @ storia» (2004. № 3).

Италии, прежде всего из Сардинии, и с его немецкими соратниками и учениками, которых он направил на этот остров для собирания надписей. А. Мастино показал работу самого маэстро по собиранию надписей и обработке эпиграфических данных во время его сардинской поездки в октябре 1877 г. при подготовке X тома CIL, с выявлением их аутентичности и некоторых фальшивок.

Итак, необходимо еще раз сказать, что научное творчество Моммзена и его выдающаяся организаторская деятельность зиждились на его поразительной эрудиции, на владении источниками и удивительной аргументированности его выводов, но, разумеется, в тех пределах, которые обеспечивала источниковая база его времени. Именно это позволило ему создать монументальную историю Рима вплоть до эпохи Домината. Нельзя, конечно, полагать, что он был первопроходцем на этой стезе. Не углубляясь в эту проблему, отмечу лишь, что только в его родной Германии, передовой тогда стране гуманитарного знания, у него были замечательные предшественники, такие как Б.Г. Нибур и А. Шwegлер, и современники, как Г. Ниссен, чьи труды помогали формированию его как ученого. Не подлежит сомнению то, что первое место в этом ряду принадлежит Нибуру, создателю научного источниковедения. Именно он заложил основы критического анализа текстов античных авторов с выявлением в них достоверных зерен. Ему также принадлежит идея использования этнографического материала в качестве исторического источника. Все перечисленные выше корифеи следовали за ним²⁷. Моммзен, как явствует из его научных работ, в общем шел в фарватере Нибура²⁸, прибегая порой к этиологическому методу. Но читателя «Римской истории» он в свою исследовательскую лабораторию не вводил, не обременяя себя, в отличие от названных ученых, полемикой и доказательствыми. Однако Моммзену, как никому другому, удалось охватить события и начального периода истории Рима, и императорской эпохи. Ширина полотна созданной им «Римской истории», уверенная логичность и вместе с тем живость и яркость ее изложения заслонили собой труды его предшественников, современников, да и большинства потомков. Многогранность деятельности Моммзена выдвинула его на особое место в историографии истории Рима. При этом интерес к нему и сейчас не носит оттенка антикварности. Его творчество замечательно не только как некая ступень прошлого нашей науки, оно остается ее живой частью, и самым зримым свидетельством этого является «Римская история».

Поскольку Моммзен очень рано заявил о себе как талантливый ученый, от него, молодого лейпцигского доцента, стали ждать книги о римской истории, ведь в то время этот жанр был очень популярным. В письме к Густаву Фрейтагу от 1877 г. Моммзен вспоминал, что в 1849 г., в период его бурной деятельности в качестве преподавателя, журналиста, собирателя италийских надписей он сделал публичный доклад о Гракхах. Сразу после этого двое издателей, Карл Реймер и Соломон Гурцель, обратились к нему с предложением о создании краткой истории Рима²⁹. До реализации такого рода плана дело вскоре и дошло.

Научный поиск особенно явственно совмещался в творчестве Моммзена с эволюцией его политических воззрений, с мечтой об объединении Германии при создании сильной, просвещенной и демократической власти. Поэтому Моммзен расценивает

²⁷ Надо признать, что Ниссен более последовательно придерживался принципов Нибура, чем Шwegлер, свернувший с пути разумной критики. В результате увлскательных поисков объяснения древнейших событий римской истории при отсутствии объективных показаний археологической и лингвистической науки Шwegлер создал теорию этиологических мифов, объективно ведущую науку к скептицизму в отношении сообщений античных авторов. Разумеется, в отдельных случаях при изучении некоторых частных этиологических метод в исторических исследованиях допустим, даже полезен, но он не может заменить подлинно научного анализа традиции, как только является возможность сопоставления ее с другими видами источников.

²⁸ *Fest J. Wege zur Geschichte über Theodor Mommsen, Jakob Burckhardt, Jolo Mann, mit einem Vorwort von Christian Meyer.* Zürich, 1992. S. 33–34.

²⁹ *Fest.* Op. cit. S. 31.

завоевание Римом Италии именно как ее объединение, а завершение этого процесса Суллой заставляет его простить диктатору кровавые деяния³⁰. Примером идеального правителя для Моммзена становится не Сулла, а гениальный «демократический монарх», Цезарь. Моммзен находил предшественников этого гения в лице Гракхов, особенно Гая, а также в лице Сертория. Он отдавал должное честным патриотам, таким, как Сципион Эмилиан и Гай Лелий, но считал их неспособными к спасению Италии в силу присуших им консервативных воззрений³¹.

Цезарь импонирует Моммзену блеском своих дарований, обаянием личности и мудрым расчетом, что сказалось, в том числе, в его отношении к покоренным германцам. Он предпочел побежденных врагов (Ариовист), будущих храбрых стражей границы, сомнительным друзьям, т.е. невоинственным и ненадежным кельтам³². Это мнение Моммзена следует рассматривать в контексте современной ему обстановки в Европе и напряженных отношений между Германией и Францией. В нем говорил германский патриот. Недаром в немецкой научной литературе подчеркивают его немецкую идентичность, отличавший его (наравне с Винкельманом) национализм³³.

Конечно, время делает свое дело, копилка источников постоянно пополняется новыми данными, и это приходится учитывать, приступая к знакомству с Моммзеновой «Римской историей». Первый том ее разбит на три книги, при этом первая охватывает время царской эпохи. Случилось так, что за последнюю четверть века больше всего новых материалов было получено как раз для освещения древнейшей истории Рима и Италии. Это важно отметить, потому что сам Моммзен в первой главе своего труда заявлял, что в его книге «будет изложена история Италии, а не история города Рима»³⁴. Соответственно он начал с описания природы и населения древнейшей Италии. Не имея данных об автохтонах, он занялся вопросами *переселений* на Апеннинский полуостров. Пользуясь сложившейся в XIX в. среди германских языковедов терминологией, Моммзен называет первых индоевропейских переселенцев индогерманцами. Это япиги и италики. Этрусков, опять-таки в духе националистически настроенных немецких ученых, находя отдельные черты сходства в их культуре с «индогерманцами», он считает северными пришельцами из-за Альп. Весь этот очерк носит эскизный характер, что сам автор объясняет чрезвычайной бедностью памятников первобытной эпохи. В связи с этим, между прочим, стоит тот факт, что первые греческие поселения в Италии и Сицилии Моммзен датирует только началом Великой греческой колонизации, хотя с присущей ему гениальной интуицией допускает более ранние сношения италиков с греками на италийской почве³⁵.

Не меньшей значимостью обладают новые материалы, освещающие царскую эпоху в истории Рима, что особенно важно, ее начало, подвергавшееся сомнению, особенно в наше время. Любопытно, что Моммзен реконструирует общественные отношения, управление первоначальными общинами на территории Рима, правовые установления, религиозные представления, элементы культуры и строительства города в эпоху царей. Но это у него – безымянная история. Вплоть до Сервия Туллия в ней нет живых людей, имена царей почти не называются, потому что все события и люди этого времени, исключая этрусских владык, представляются Моммзену вымышленными. Теперь же наука располагает убедительными доказательствами *деятельности* ран-

³⁰ Моммзен Т. История Рима. Т. II. М., 1937. С. 351.

³¹ Там же. С. 82–84.

³² Моммзен Т. История Рима. Т. III. М., 1939. С. 208–209.

³³ Wilamowitz-Moellendorf. Op. cit. S. 3–4; Demandt A. Mommsen zum Niedergang Roms // Historische Zeitschrift. 1995. Bd 261. Ht 1. S. 27.

³⁴ Моммзен. История Рима. Т. I. С. 8.

³⁵ В настоящее время присутствие микенских греков в Италии на побережье Адриатического, Ионического и Тирренского морей вплоть до Этрурии и Лация, включая территорию будущего Рима, прочно доказано с помощью археологических и лингвистических свидетельств. См. Peruzzi E. Mycenaean in Early Latium. Roma, 1980; Маяк И.Л. Рим первых царей. М. 1983; Taylor W. Mycenaean Pottery in Italy and Adjacent Areas [s. l.] 1958.

них царей, описанных в античной традиции, начиная с Ромула вплоть до Анка Марция, причем и во внутренней жизни общины и в ее внешних сношениях³⁶.

Внесены коррективы и в представления Моммзена об этрусках. Полностью отвергнута северная теория их происхождения, все более утверждается мнение о формировании этрусской народности в Италии из разнородных местных и пришлых, в том числе из Малой Азии, этнических элементов; установлено культурное влияние этрусков на ранний Рим³⁷.

До известной степени в зависимости от состояния источниковой базы находится и важная для исторической концепции Моммзена его периодизация римской истории. После рассмотрения царского Рима он выделяет в целом достоверные, с его точки зрения, эпохи: «От упразднения царской власти до объединения Италии» (т. I, кн. 2); «От объединения Италии до покорения Карфагена и греческих государств» (т. I, кн. 2); период «Революции» (т. II, кн. 4); «От смерти Суллы до битвы при Тапсе» (т. III, кн. 5); «Провинции от Цезаря до Диоклетиана» (т. V). Это – основательно продуманная схема. С одной стороны, римская история, по Моммзену, входит в цикл средиземноморской цивилизации, а с другой – это феномен ее органического развития от юности к зрелости и старости. Вместе с тем, это – развитие Рима как городской общины, как владыки Италии и, наконец, всего тогдашнего мира. В этом – стержень моммзеновской периодизации.

История городской общины у Моммзена – это история римского гражданства. Из такого понимания развития Рима становится понятным внимание Моммзена к государственно-правовой проблематике. Однако последнее обстоятельство не отрывает ученого от реалий римской, и не только римской, жизни в античности. Моммзен видит государственное устройство Рима аналогичным греческому и этрусскому. И своеобразие, к примеру, этрусских общин он связывает с их «склонностью» к торговле и мореплаванию, а фактически – с направленностью их хозяйственного развития. Моммзену принадлежит также утверждение о том, что земледелие и торговля тесно связаны с внутренним устройством и внешней историей государства³⁸.

Жизнь римской гражданской общины, по Моммзену, не статична. Она изначально проходила в борьбе противоречий – между народом и должностными лицами, включая царей, т.е. в политической области; между гражданами и негражданами; между богатыми и бедными³⁹. Здесь нужно обратить внимание на то, что под первоначальным гражданством = народом Моммзен, следуя Нибуру, понимает патрициат⁴⁰. Уже в царское время ему противостояло неполноправное население из иноземцев, побежденных латинян, добровольных переселенцев, а также подвластных, т.е. клиентов, или плебеев, стоявших вне триб и курий, вне войска. Они составляли промежуточный класс между свободными и несвободными⁴¹. На эту растущую массу, по мысли Моммзена, и опирались цари. «Так рядом с гражданством образовалась вторая римская община – из клиентов возник плебс»⁴². Современные ученые, начиная с Ф. Де Мартини⁴³, от этого тезиса отказались. Вхождение состоятельной части плебеев в гражданство было результатом Сервиевой реформы.

Изгнание Тарквиниев и изменение формы правления в Риме оценивается Моммзенем как революция. Республика стала представлять собой новую гражданскую общину. Вскоре (когда – не уточняется!) плебеи были допущены в курии, стали признаваться их семьи и роды⁴⁴. Отсюда, замstim, следует, что первоначально плебеи в курии не

³⁶ Peruzzi E. Money in early Rome. Firenze, 1985; Carandini A. Op. cit.; Peruzzi E. Civiltà greca...; Рим – эхо императорской славы. М., 1997. С. 13–16; Fidene. Una casa dell'età del ferro. Roma, 1998.

³⁷ Georgiev V. La lingua e l'origine degli etruschi. Roma, 1979. P. 13–16; Немировский А.И. Этрусски. От мифа к истории. М., 1983. Особ. гл. V. С. 164–228.

³⁸ Моммзен. История Рима. Т. II. С. 174.

³⁹ Там же. Т. I. С. 231.

⁴⁰ Там же. С. 240.

⁴¹ Там же. С. 83, 85, 86.

⁴² Там же. С. 87.

⁴³ De Martino F. Storia economica di Roma antica. I. Firenze, 1980. P. 19 ss.

⁴⁴ Моммзен. История Рима. Т. I. С. 241–245.

входили. Новый вид гражданская община приобрела в 367 г. до н.э.: патриции перестали составлять все гражданство, его ряды расширились, перед законом все оказались равны⁴⁵. Но Моммзен прекрасно видит формальный характер уравнивания сословий – появление нобилитета было лишь видоизменением аристократии, так что новая оппозиция в обществе выступила как представительница мелкого люда, особенно мелких крестьян⁴⁶.

Очередное изменение гражданской общины увязано Моммзеном с победами римлян за пределами Италии. Именно тогда в ней утвердилось понимание общей пользы, верный здравый смысл. Территориально она расширилась, не составляя единого пространства, что затрудняло судебную и политическую, комициальную практику и сопровождалось имущественным расслоением и появлением требовательной черни⁴⁷. Все вело к новой социальной оппозиции, находившей выход и выражение даже в художественном творчестве.

Однако во II в. до н.э., когда Рим перестал кого бы то ни было опасаться, начался, выражаясь современным языком, период застоя, или кризис, опять-таки чреватый революцией. Со страниц «Римской истории» уходит выражение «гражданская община», во втором томе на сцену выступают политики разного направления и калибра и демагоги, от Катона до Гракхов. Но на этом фоне трансформируется и демократизируется конституция, обостряется борьба, вплоть до войн с рабами, с италиками, соперничество лидеров, особенно усиливается борьба партий, наконец, устанавливается сулланская конституция. Фразеология Моммзена, при ярком и страстном описании римско-италийских событий, не случайна. Она позволяет увидеть, как гражданская община сходит на нет. Только касаясь реформ Суллы, ученый вспоминает о «гражданских правах» римлян, с которыми диктатор обошелся пренебрежительно, признав таковые за общинами новых граждан⁴⁸.

Из сказанного ясно, что Моммзен придавал феномену гражданской общины в Риме немалое значение. Обрыв ее истории в последний век Республики в труде Моммзена не остался незамеченным в науке. С полной определенностью «договорил» историю римской гражданской общины С.Л. Утченко⁴⁹, подчеркнувший, что в результате Союзнической войны она как бы растеклась по Италии, комиции превратились в юридическую фикцию, полисная демократия потерпела крах. В основе этих процессов Утченко усматривал великую крестьянскую революцию, начавшуюся с эпохи Гракхов и приведшую к тому, что узкая привилегированная община полноправных собственников-римлян была разбита. Думается все же, что этот вывод излишне радикален. Вернее, по нашему мнению, было бы говорить не о гибели, а о *трансформации* италийских полисных структур, включая Рим. Если понимать полис (= civitas) как гражданскую общину с античной формой собственности, то можно заметить, что эта его основа как в Риме, так и в италийских муниципиях сохранялась. Однако Рим потерял такую полисную черту, как *замкнутость*, а италийские муниципии – такую, как *самостоятельность*. Но и Рим, и Италия продолжали жить как измененные указанным образом полисные структуры⁵⁰.

В современной науке распространено справедливое мнение о том, что подлинным героем третьего тома «Римской истории» был Юлий Цезарь, что Моммзен видел в предшествующей ему истории как бы подготовку его деятельности. В самом деле, Моммзен создал панегирик этому беспримерному герою – в нем он прозревал того де-

⁴⁵ Там же. С. 288.

⁴⁶ Там же. С. 289, 739.

⁴⁷ Там же. С. 764–766.

⁴⁸ Там же. Т. II. С. 328.

⁴⁹ Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1972. С. 88–89; 111; 114; 116.

⁵⁰ Маяк И.Л. Римляне Ранней республики. М., 1993. С. 142–143; она же. К вопросу о понимании civitas в современной науке // Феномены истории. М., 1996. С. 24–30.

мократического монарха, который был идеальной моделью для человечества, в том числе для современной историку Германии.

В III томе особенно ярко проявилась такая свойственная Моммзену черта, как модернизация, становящаяся все более заметной по мере приближения к описанию эпохи конца Республики. Если при изложении событий и описании деятелей ранней римской истории модернизирование еще служило оживлению представлений о древности, облегчало ее восприятие читателем нового времени, то в изложении гражданских войн в период Поздней республики оно, как представляется, перешло в публицистичность.

В отечественной науке советского времени отмечалось, что разочарование в возможности создания демократической монархии в объединенной Германии, о чем мечтал Моммзен, сначала затормозило его работу, а затем не позволило ему написать историю Римской империи, тем более что и сам исторический материал не вдохновлял его на создание картины римского благоденствия под эгидой далеко не идеальных императоров. Так четвертый том, предназначенный для истории периода Империи, остался ненаписанным. Сам Моммзен в предисловии к пятому тому объяснил это тем, что заключительный акт борьбы республиканцев с Цезарем и установление им монархии достаточно освещены в источниках, так что нет смысла их пересказывать. К вопросу о причинах пропуска четвертого тома в ряду книг, составляющих «Римскую историю», ученые продолжают возвращаться. На основе замечаний и наблюдений в других работах Моммзена, в его переписке и, главное, благодаря находке записей его лекций, сделанных студентами университета, оказалось возможным реконструировать его историю Рима императорской эпохи⁵¹. А. Демандт⁵² напомнил о том, что Моммзен в свое время отозвался об «Истории упадка и разрушения Римской империи» Эд. Гиббона как о важнейшем труде и сам постоянно касался этой темы. Но великий ученый, по собственному признанию, не позволял себе ошибиться в столь сложном вопросе, к тому же вынужден был отвлекаться на работу над СЦЛ. Тот же Демандт, приведя высказывания ряда ученых о том, что Моммзен не был в состоянии объяснить падение Римской империи, почему и не издал четвертого тома, предложил свое видение проблемы. По Моммзену, идеальным римским государством было бы государство в его естественных национальных границах, а экспансия за его пределы оказалась губительной. Власть проконсулов и императоров знаменовала собой закат свободы и воздаяние за грехи. Цезарь был идеальным монархом, но он появился слишком поздно, после истощения физических и духовных сил нации. В понимании Демандта Моммзен – националист и либерал. Как либерал, он прощал Цезарю военную диктатуру, а как националист – покорение Галлии. Новый цезаризм он отвергает. Что касается причин «заката» Рима, то Моммзен указывал на значение германского фактора (*clades Variana*, Маркоманнские войны). В этой концепции Моммзена, по мнению Демандта, проявилось национально-либеральное сознание великого ученого. Именно с него, как заметил С.И. Ковалев в упомянутом выше «Предисловии» к первому тому «Истории Рима», начинается и утверждается в исторической науке модернизирование прошлого. Хотелось бы отметить, что у Моммзена оно проявилось уже в видении им институтов гражданства и гражданской общины, существование которых он относит еще к догородской эпохе⁵³.

Появившийся много позднее, в 1885 г., пятый том «Римской истории» содержал обзор римских провинций, считающийся первым очерком такого рода, хотя, напомним, еще до этого, в 1866 г., вышел в свет труд С.В. Ешевского «Центр римского мира и его провинции», оставшийся, к сожалению, на Западе неизвестным. XX век чрезвычайно обогатил науку и обзорами римских провинций в общих изданиях, и специаль-

⁵¹ См. Моммзен Т. История римских императоров. По конспектам Себастьяна и Пауля Хензелей 1882–1886 гг. / Изд. Барбарой и Александром Демандтами. Пер. с нем. Т.А. Орестовой. СПб., 2002.

⁵² Demandt. Op. cit. S. 23–49.

⁵³ Моммзен. История Рима. Т. I. С. 37.

ными работами, посвященными отдельным провинциям Римской империи. Проявилась даже своего рода специализация: английские ученые концентрировали свое внимание на британских провинциях, французские – на галльских, румынские – на Даккии и т.п. Много сделано и в нашей отечественной науке, прежде всего усилиями А.Б. Рановича, Е.М. Штаерман, И.Т. Кругликовой, О.В. Кудрявцева, Е.С. Голубцовой, Ю.К. Колосовской, Т.Д. Златковской и др. Однако такого свода, который дан Моммзенем в пятом томе «Римской истории», хотя он и содержит только сведения об эпохе Ранней империи, все-таки нет, и эта книга, несмотря на появление массы новых источников, остается до сих пор востребованной. Н.А. Машкин⁵⁴, характеризуя издание русского перевода этого тома в 1949 г., верно отметил недооценку Моммзенем археологического материала и традиционно успешное оперирование надписями; подчеркнул он и то, что частично картина, нарисованная в пятом томе, уже к середине XX столетия оказалась неполной и устаревшей, что, заметим, тем более имеет место в наши дни. Машкин указал, в частности, на недостаточное внимание ученого к производственной сфере, обусловленное, впрочем, нехваткой источников. Нельзя не присоединиться к его замечанию о нотке национализма при упоминании Моммзенем германцев, особенно Арминия. Вместе с тем, необходимо вслед за Машкиным подчеркнуть внимание Моммзена к такой важной проблеме истории античности, как эллинизация и романизация вошедших в империю стран. Следует также сказать, что, в отличие от первых томов «Римской истории», главы пятого тома, представляющие собой отдельные очерки, посвященные римским провинциям, представляют собой глубокие исследования, построенные на анализе источников. Однако и здесь ученый полемикой своих коллег почти не удостаивает.

Рассматривая все тома Моммзеновой «Римской истории» и другие его работы, приходишь к заключению о том, что множество сделанных им наблюдений и выводов остаются в силе, продолжают обогащать науку о древнем Риме. И даже то, что вызывает сомнения или отвергается вследствие появления новых источниковых данных, стимулирует современных ученых к углубленным поискам в достижении исторической истины. Чрезвычайно полезно и поучительно следовать за исследовательской мыслью Моммзена, изложенной с неизменной логикой и ясностью.

THEODOR MOMMSEN AS A HISTORIAN

I. L. Mayak

The article gives a survey of Th. Mommsen's main works and demonstrates the inseparability of his historical and legal studies based upon a profound knowledge of various types and kinds of sources and their critical (but never hypercritical) analysis. The author presents some new data on Mommsen's activities. They include Alexander Demandt's notes of Mommsen's readings, reflecting the contents of the missing 4th volume of his *Römische Geschichte*, as well as the recently published materials about Mommsen's visit to Sardinia, among them his correspondence with his colleagues and pupils connected with the preparation of the CIL. The author shows that in spite of the new sources, which have radically changed our idea of the earliest period of Roman history, *Römische Geschichte*, due to its logical structure, appealing and imaginative style, his articles on Roman history, his publications and studies of Roman inscriptions, as well as his research in the field of Roman law (especially his *Römisches Staatsrecht*), remain indispensable for the study of the history of Rome.

⁵⁴ Машкин. Предисловие. С. 5–14.